

Шэнь Син ел быстро, сгорая от любопытства. Когда он наконец отложил палочки, его губы даже немного припухли от остроты. Он выпрямился и сел поудобнее, как прилежный ученик.

— Герой, я всё съел.

Намек был прозрачнее некуда: я готов, начинай рассказ.

Цзян Линя позабавил этот вид «школьника на уроке». Он неспешно подцепил кусочек разварившейся белой редьки и заговорил:

— Детали той операции я разглашать не могу. Основные травмы были от падения и взрыва, ты это и сам по истории болезни знаешь.

Шэнь Син кивнул:

— Тридцать пять осколков в ноге.

— Ты их даже посчитал?

— Я очень внимательно изучаю снимки и видео.

Цзян Линь согласно кивнул:

— Когда меня доставили в госпиталь вооруженной полиции, я был в сознании. Моим лечащим врачом тогда стал Сюй Чэн. Перед операцией он сказал мне, что левую ногу, скорее всего, спасти не удастся. Я тогда еще не отошел от задания, и ампутация была для меня абсолютно неприемлемым вариантом. Я заявил ему, что ни за что не соглашусь на это. Согласие на операцию с перечислением рисков я подписывал сам.

Цзян Линь усмехнулся:

— Наверное, страшно иметь дело с такими пациентами?

Шэнь Син открыл было рот, но не нашелся что сказать. Как ортопед, он резонно считал, что жизнь важнее конечности. Случись такое с кем-то другим, он бы поддержал слова Сюй Чэна. Но если представить на месте пациента Цзян Линя... кажется, он понимал его чувства.

Цзян Линь, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Старик Сюй давно знал моего отца. Он приложил все силы во время операции, но сразу предупредил: спасение ноги зависит от восстановления, и одной операцией дело не обойдется. После первой я пять дней провел в реанимации. Показатели были так себе. Сюй Чэн тогда убеждал моих родителей, что если наступит критический момент, им нельзя идти у меня на поводу.

Шэнь Син помнил каждую страницу его медкарты, показатели из реанимации сейчас так и всплывали у него в памяти.

— И... родители тебя уговаривали?

Цзян Линь будто вернулся в тот день в палате. Он глубоко вздохнул:

— Мама попыталась сказать лишь слово и тут же расплакалась, обняв меня. Отец молчал, просто стоял у нее за спиной. Я тогда впервые увидел его глаза красными. Я сказал: давайте

сделаем еще одну операцию. Если и она не поможет — я соглашусь на ампутацию.

Шэнь Син допил остатки шампанского, но неприятный комок в горле так и не исчез.

— В то время я даже в туалет не мог сходить без помощи сиделки. Тогда я впервые почувствовал, что не контролирую собственную жизнь. Впервые стало по-настоящему страшно. Я не мог вообразить, как буду жить дальше, если останусь без ноги. Как-то раз, глядя в окно, я даже подумал: если ампутации не избежать, лучше уж просто прыгнуть вниз.

Глаза Шэнь Сина округлились, он почти выкрикнул:

— Нельзя так даже думать!

Цзян Линь сам вздрогнул от его тона:

— Это была просто мимолетная мысль. Видишь же, нога на месте, всё хорошо.

Шэнь Син вспомнил свой второй год работы. Тогда он участвовал в операции по ампутации обеих ног одному мужчине. Вскоре после выписки тот пациент покончил с собой из-за депрессии. Слова Цзян Линя его не успокоили, наоборот, он заговорил еще горячее:

— Даже в случае ампутации такие мысли недопустимы! Сейчас технологии протезирования на высоте, даже без ноги можно встать и ходить. Ты ни в коем случае не должен думать о самоубийстве, понял?

Цзян Линь, видя, что напугал врача, подлил ему шампанского. Голос его стал мягче:

— Нет-нет, это было только тогда, от шока сразу после ранения. Сейчас я так не думаю.

Шэнь Син продолжал смотреть на него с подозрением, как на особо опасного преступника. Цзян Линь развел руками:

— Доктор Шэнь, правда, не буду. Даже если когда-нибудь с этой ногой что-то случится, я точно не пойду прыгать с крыши.

Шэнь Син тихо хмыкнул и отрезал:

— Твой лечащий врач сейчас — я. Так что не вздумай портить мне репутацию.

— Слушаюсь. Обязуюсь выполнять все предписания.

Шэнь Син не удержался и спросил:

— А что было потом?

— Потом я дотянул до второй операции. К счастью, результат был хороший. Сюй Чэн сказал, что ногу с большой вероятностью удастся сохранить. Но, как ты и сам понимаешь, восстановить ее полностью невозможно. То, что я не хромаю — уже великое достижение. На реабилитации я был самым примерным пациентом, слушался врачей беспрекословно. Втайне надеялся: а вдруг, если я буду стараться еще больше, всё станет как прежде? Думал, смогу вернуться к прежней работе. Но когда я однажды тренировался втайне от врачей и чуть не довел дело до беды, я понял: в таких вещах одних только стараний мало.

Спустя несколько месяцев он постепенно успокоился и научился жить в ладу со своим

нынешним телом, перестав требовать от него невозможного.

— Потом стало ясно, что реабилитация больше не даст значительного прогресса. Сяоху тоже перепробовали все препараты для стимуляции мозга, но он так и не пришел в себя. Врачи сказали — остается только ждать и надеяться на его собственные силы. Пробуждение из вегетативного состояния — вещь необъяснимая. Тетушка Шулань хотела забрать его домой. Я не мог их оставить одних, поэтому подал рапорт на перевод в Юньнань. За эти месяцы я окончательно пришел в себя. Вспоминаю свое состояние в больнице — это был край, конечно. Сейчас уже всё намного лучше. Всё со временем проходит.

Шэнь Син вспомнил, как Цзян Линь пил обезболивающие и врал, что у него мигрень. Похоже, он до сих пор не вполне примирился со своей травмой. Хотя, по сравнению с тем, что было в госпитале, прогресс и правда налицо. Любая боль рано или поздно затихает, отрешенно подумал он. Цзян Линь вдруг улыбнулся:

— Ну вот, доктор Шэнь, я рассказал свою историю. Тебе стало хоть немного легче?

Шэнь Син вскинул голову, словно очнувшись. Он только сейчас понял, что этот человек вывалил на него свое прошлое только ради того, чтобы вытащить его самого из уныния.

— Герой, ты что, решил помериться со мной несчастьями? — воскликнул он, не зная, смеяться ему или плакать.

Цзян Линь подмигнул и протянул ему ложку с клубникой из компота:

— Ну и как, помогло?

Теперь в голове Шэнь Сина крутились только картины героического и трагического прошлого соседа. На этом фоне его собственная печаль из-за того, что он делает меньше операций, чем привык, казалась просто капризами. Он съел клубнику:

— А ведь и правда, Герой. Помериться бедами — пожалуй, самый простой и эффективный способ утешения в мире. По сравнению с твоей историей, мои переживания — это пшик.

Цзян Линь с довольным видом кивнул:

— Ну, раз помогло, может, еще поешь?

Хого на говяжьем жиру — штука такая: чем дольше варится, тем ароматнее. Шэнь Син снова взялся за палочки, и в итоге к концу вечера его живот едва не лопался.

После ужина Цзян Линь пошел мыть посуду. Шэнь Син, чувствуя неловкость, кинулся помогать, но сосед его остановил:

— Не надо, я сам.

— Ну как-то неудобно. Ты ведь и так всё готовил.

— Подготовить продукты — дело нехитрое. Если объелся — лучше протри стол.

Шэнь Син показал «окей», взял влажную салфетку и принялся за уборку. Из кухни доносился шум воды. Эта атмосфера внезапно показалась ему необычайно уютной и домашней.

В детстве отца вечно не было дома, потом родители развелись, мама ушла в бизнес. С

тринадцати лет он жил в интернатах и общежитиях. Ощущение настоящего дома он испытывал только у дедушек, и то нечасто.

Он заглянул на кухню: Цзян Линь с засученными рукавами склонился над раковиной. Его худощавая спина чуть выгнулась, создавая плавную линию. Шэнь Син сам не заметил, как замер, опершись о дверной косяк. Цзян Линь обернулся:

— Протер?

— А, да. Может, мне еще пол помыть?

Цзян Линь рассмеялся:

— Не нужно. Иди посиди, поиграй с Хэйбао и Цяньцзинь в мячик.

— ...

В гостиной Шэнь Син кидал мяч, а собаки наперегонки бросались за ним. Для самоеда это была любимая забава, и, на удивление, реакция у него была отменной. Хэйбао часто ловил мяч на лету, а Е-Е радостно крутился вокруг него. Через несколько бросков «белое облако», кажется, смекнуло, что мяч можно перехватывать в воздухе. В очередной раз, когда Шэнь Син бросил игрушку, он подпрыгнул и умудрился выхватить мяч прямо из-под носа у овчарки.

Зашедший в комнату Цзян Линь как раз застал этот момент и похвалил его. Шэнь Син восторженно прижал к себе белую пушистую морду и посмотрел на соседа:

— Герой, а как ты думаешь, если бы нашего Цяньцзинь тренировали с детства, из него могла бы выйти служебная собака?

Цзян Линь посмотрел в сияющие глаза Шэнь Сина, потом на круглого, виляющего хвостом Е-Е. Он вспомнил, с какой безграничной любовью эта собака готова была облизать любого случайного прохожего. В ее глазах, пожалуй, нет разницы между наркоторговцем и добрым прохожим. Он молчал ровно три секунды — этого времени Шэнь Сину хватило, чтобы вернуться в реальность.

— Ладно, я понял ответ.

Смеясь, Цзян Линь принес две чашки зеленого чая:

— Коллега из Хубэя прислал, Эньши Юйлу. Говорит, весенний сбор, хотя чай пролежал уже полгода. Попробуй. После такого жирного хого — самое то.

Шэнь Син поднял взгляд. Цзян Линь был в домашнем костюме бежевого цвета. После того как он увидел его у раковины с посудой, его образ казался Шэнь Сину удивительно мягким и домашним. Совсем не тот капитан Цзян в строгой форме с погонами, которого он видел в больнице. Если бы они встретились сейчас впервые, он бы ни за что не поверил, что этот человек — оперативник наркоконтроля, прошедший через смертельную опасность и тяжелейшее ранение.

Цзян Линь почувствовал себя неловко под этим пристальным взглядом:

— У меня что-то на лице?

Шэнь Син опомнился, помотал головой и потянулся за чаем. Цзян Линь вовремя его остановил:

— Горячо.

— О.

Цзян Линь с улыбкой сел рядом. Хэйбао подошел и ткнулся лбом ему в руку.

— Переел? Совсем сонный стал, — заметил капитан.

Шэнь Син растекся по дивану:

— Вся кровь ушла в желудок на переваривание. Мозг голодает, интеллект временно покинул здание. Кстати, не забудь завтра прийти на реабилитацию.

— Помню. Ты завтра принимаешь?

— Нет. Я дежурю на Новый год, так что завтра в графике меня нет. О, кстати, завтра поведу эту глупую собаку мыться и стричься. Хэйбао как обычно моешь? Может, возьмем его с собой? Всё-таки праздник, пусть оба будут чистыми.

Цзян Линь посмотрел на Хэйбао, потом на Е-Е. Надо признать, шерсть овчарки была куда практичнее, а вот пузо и лапы белого самоеда уже заметно посерели.

— Я его тоже обычно вожу в салон. Во сколько пойдешь?

— С утра, наверное.

— Договорились. Зайди за мной, с утра вымоем, а после обеда я схожу в больницу.

На следующий день они загрузились в машину и поехали в груминг-салон. Шэнь Син думал, что управятся быстро, но перед праздниками в салоне был ажиотаж. К счастью, перед ними были мелкие собачки. Когда подошла очередь Е-Е, Шэнь Син тронул соседа за локоть:

— Сейчас увидишь шоу «забой кабана».

И правда, через минуту из помывочной раздался истошный вопль. Шэнь Син подвел Цзян Линя к стеклу: пушистая шерсть самоеда под напором воды прилипла к телу, обнажив весьма упитанную тушку. Собака брыкалась под руками грумера, как откормленная свинка. Цзян Линь не мог сдержать смех:

— А я-то думал, он просто пушистый.

— У нас всё честно, без пустот.

После купания и стрижки Е-Е стал просто неотразимым: круглая голова, упругие ушки, попа — как два персика. Шэнь Син так и лип к нему, тиская и зарываясь лицом в мех. Он даже подвел его к Цзян Линю:

— Давай, дай дяде Цзяну тебя погладить.

Е-Е с радостью запрыгнул на капитана передними лапами. Тот погладил его, надолго задержав руку на мягких ушах:

— Прямо как облако хлопка.

Хэйбао же вел себя во время мытья как истинный босс — спокойствию его не было предела. Из салона они вышли так: Цзян Линь вел овчарку, а Шэнь Син нес на руках самоеда. Ну а как иначе — белую чистую собаку после салона только так и транспортировать.

— Пойду с тобой в больницу, — сказал Шэнь Син. — Всё равно делать нечего, прочитаю литературу в кабинете.

Первого января он снова поехал на работу на машине соседа. По привычке зашли в лапшичную внизу. Сегодня в лавке помимо хозяина был молодой человек лет двадцати пяти — помогал принимать заказы и рассчитывать клиентов. Хозяин так и светился радостью. Увидев их, он велел парню принести им два свежепожаренных хрустящих пирожка.

— Попробуйте, сегодня как раз испекли.

— Снова нам везет на угощение. Спасибо, шеф!

Весь день Шэнь Син провел на дежурстве в экстренном покое. Праздники в приемном отделении — то еще «удовольствие». Большой поток людей означает больше несчастных случаев: падения, аварии, промывание желудков после перепоя и даже драки с последующим наложением швов.

За смену он зашил человек восемь, обработал раны пятерым и принял двоих с переломами. Казалось, ему нужно раздвоиться. На обед в полицию сходить не удалось, только во второй половине дня перехватил кусок жареной курицы. На мгновение ему показалось, что он вернулся в Юэтань. Пискнул телефон — сообщение от Цзян Линя: спрашивал, не принести ли ему ужин.

— Не нужно, Герой, я только в три часа пообедал.

И тут же добавил:

— Слушай, не кажется ли тебе, что небеса услышали мое нытье и в первый день года выдали мне «карточку опыта осла», чтобы я вдоволь натаскался жерновов?

Едва он отложил телефон, как пришло новое сообщение. Думая, что это ответ от соседа, он глянул на экран и похолодел. Писал отец. Тот никогда не писал просто так, чтобы справиться о делах. Шэнь Син с каменным лицом погасил экран, сунул телефон глубоко в карман и ушел в перевязочную.

<http://bllate.org/book/15778/1610182>